

10. Rosenstock-Huessy E. Soziologie II: Die Vollzahl der Zeiten.- Stuttgart: Kohlhammer, 1958.- 774 s.
11. Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого / О.Розеншток-Хюсси. М. - СПб: Университетская книга, 2000. - 610 с.
12. Соловьев В.С. Тайна прогресса // Сочинение в 2-х т. Т.2. - М.: Мысль, 1989. - С.619-621.
13. Сепир Э. Статус лингвистики как науки //Языки как образ мира. - М.: ООО изд. АСТ, 2000. - С.129-136.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. - М.: Республика, 1993. - 447с

Мотовникова Е.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

Н.Н. СТРАХОВ – В.С. СОЛОВЬЕВ: К ОСНОВАНИЯМ ПОЛЕМИКИ 1888–1894 гг.

Русские журналы XIX века – своего рода дневники, запечатлевшие в живой, полемической форме историю развития отечественного философского мышления. Многочисленные подробности, которые сообщаются в этих дневниках, позволяют существенным образом уточнить распространенные интерпретации событий русской истории философии, ее разномыслие и лично-диалогический настрой. Одним из ключевых событий в философских исследованиях позапрошлого века, которое позволяет таким образом прояснить русские журналы, является философия истории Н.Я. Данилевского. С момента своего возникновения основная доктрина, которая содержится в этой философии, – незаурядное и обоснованное рассуждение о культурно-исторических типах – проходит проверку на прочность, оспаривается и верифицируется в полемике, спровоцированной В.С. Соловьевым и Н.Н. Страховым, вынужденным отвечать на провокации (1).

Выдающийся философ, ученый-энциклопедист, литературный критик, авторитетный эксперт в системе народного просвещения своего времени Н.Н. Страхов и философ и поэт В.С. Соловьев много лет не просто были хорошими знакомыми, людьми одного интеллектуального круга, но регулярно

переписывались, часто общались, обсуждали текущие и «вечные» вопросы жизни, поэзии, философии. В.С. Соловьев неоднократно подолгу засиживался в гостях в богатой библиотеке своего старшего товарища, ночевал у него. Они поддерживали постоянный контакт и интересовались мнениями, оценками друг друга по поводу написанного ими самими и других актуальных текстов. Сложилось эти теплые отношения еще в тот первый период послеуниверситетского творчества В.С. Соловьева, когда он входил в «высокие научные сферы» с блестящей критикой западной философии – «Критикой отвлеченных начал» – которая была воспринята (без встречных возражений) как свидетельство славянофильских умонастроений автора.

В середине 80-х начался новый период философского творчества Соловьева: его идеалом стала «вселенская теократия» – объединение сил российского государства с римской католической церковью для воплощения всемирного богочеловечества. В.С. Соловьев посвятил обоснованию идеи «вселенской теократии» ряд крупных работ для издания за границей: «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» (1887 г., издана в Загребе) и «Россия и Вселенская церковь» (1889 г., издана в Париже на французском языке). Кратким изложением последней была «Русская идея» (Париж, 1888 г., на французском) (2). По стечению обстоятельств в это же время, в 1888 году, Н.Н. Страхов готовил очередное (4-е, считая от первой журнальной публикации) издание книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», которую публично оценивал как оригинальное, чрезвычайно важное и ценное научное исследование, блестящее обоснование теории культурно-исторических типов – новую, нелинейную, неметафизическую, антикосмополитическую концепцию исторического процесса (3).

В.С. Соловьев знал Н.Я. Данилевского только заочно, по его быстрому критическому отзыву в феврале-марте 1885 г. на едва прозвучавшую теократическую идею, которую Н.Я. Данилевский сразу квалифицировал как «метафизическую схему» и указывал на историческую несостоятельность, пристрастность и предвзятость соловьевского толкования истории церквей с позиции метафизического противопоставления Востока и Запада. «Г. Соловьев человек, без сомнения, с философским направлением ума. Качество довольно редкое и очень ценное, но, однако же, как и всякое умственное и даже как и всякое нравственное качество, имеющее и свои слабые стороны, заставляющие впадать в пороки

своих добродетелей. Опыт нам показывает, что главный недостаток или порок философствующих умов, т. е. метафизически философствующих, есть склонность к симметрическим выводам. При построении мира по логическим законам ума является схематизм, и в этих логических схемах все так прекрасно укладывается по симметрическим рубрикам, которые, в свою очередь, столь же симметрически подразделяются. Затем находят оправдание этому схематизму в том, что будто бы он ясно проявляется в объективных явлениях мира. <...> Вот эту-то любовь к симметрически-схематической троичности заметил я и у нашего многоуважаемого автора, и подозреваю, что именно она прельстила, соблазнила, подкупила его...» [3]. Н.Я. Данилевский умер скоропостижно осенью 1885 г.; между тем, его книга находила всё новых читателей. Отстаивать же позицию Н.Я. Данилевского, антисоловьевскую и, вместе с тем, положительно продуманную, пришлось Н.Н. Страхову.

Критика В.С. Соловьева отличалась обширностью и особенной полемической виртуозностью. Н.Н. Страхов, в свою очередь, тщательным образом выявил и систематизировал содержание Соловьевской критики. «...Противник теории культурно-исторических типов нападал на нее: 1) с точки зрения христианских начал, 2) на основании учения о человечестве, как о едином организме, 3) со стороны общих научных требований, именно приемов естественной системы, 4) на основании хода всемирной истории, 5) на основании истории наук и религий. Эти исходные точки нападения я счел настолько важными, а самого нападающего – имеющим настолько веса в нашей литературе, что мне казалось нужным старательно отразить нападение. Все указанные возражения были мною выставлены, рассмотрены и опровергнуты» [21]. Второй пункт Н.Н. Страхов считал основополагающим, поэтому вынес в название ответной статьи, хотя нравственное обвинение, как самое главное, «выставил, рассмотрел и опроверг» первым. Ход полемики, вместе с важнейшими откликами на нее, но только до 1891 года, представлен обзорно и объективно раньше всего в материалах Якова Николаевича Колубовского (1863-1929), блестящего библиографа русской философской литературы [6] (4). Наиболее полно на сегодняшний день, контекстуально, с подробными цитатами из важнейших откликов современников (К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.К. Михайловского, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова и др.), история эта описана во второй главе книги Б.П. Балуева о Н.Я. Данилевском, хотя этому автору можно

поставить на вид неприкрытую «партийность», симпатию к одной из сторон, а именно, к Н.Н. Страхову. Это объясняется, однако, не только авторскими идейными предпосылками, но и показанными всеми критиками В.С. Соловьева объективными характеристиками его текстов, сомнительное качество которых в аспекте научной и публицистической этики признавал и он сам, и некоторые наиболее добросовестные его почитатели. С сожалением они отмечали чрезмерную агрессивность и «перегибы» «бездомного скитальца, несколько абстрактного «всечеловека», оторванного от быта, от органических стихий мира», как говорил о В.С. Соловьеве К.В. Мочульский. «Сначала сдержанная и корректная, она [полемика] становилась постепенно все более резкой и ожесточенной. Соловьев проявил себя блестящим, остроумным и смелым публицистом. <...> У Соловьева – темперамент бойца, страстная убежденность, нравственный пафос, праведный гнев. Борьба его вдохновляет: он наносит жестокие удары и как будто любит их силой и меткостью. Его холодная беспощадность и непогрешимая ловкость производят иногда тягостное впечатление. Он действует во имя христианской любви, но в нем есть какое-то нездоровое упоение разрушением. К тому же славянофилы, которых он уничтожает, – его родные братья: он сам вышел из их лагеря, идеологически тесно с ними связан, продолжает начатое ими дело» [9]. А.Ф. Лосев тоже обтекаемо уклонялся от собственных суждений насчет справедливости «острейшей критики» В.С. Соловьевым концепции Н.Я. Данилевского, его «весьма смелых и даже дерзких» [8, 166] речей о национальной идее в России и предпочитал привести фрагменты соловьевских писем периода полемики, из которых выводил только, что настроение В.С. Соловьева этого периода «слишком сложное, чтобы быть спокойным» [8, 166]. Это беспокойное настроение А.Ф. Лосев объяснял тем, что В.С. Соловьев «сердечно любил Россию», однако «прошлое и настоящее России было ему ... невыносимо... И не находя опоры ни в прошлом, ни в настоящем России, он стал строить какие-то невообразимые теократические утопии, в которых Россия по-прежнему оставалась у него ведущей страной мирового значения. Правда, Вл. Соловьев не удержался и на этом пути» [8, 167-168].

Вершиной соловьевской изобретательности в уничтожении противника – и низшей точкой его падения с точки зрения этики научного спора – явилось обвинение им Н.Я. Данилевского в плагиате в статье «Немецкий подлинник и русский список»

(декабрь 1890 г.). Примечательно, что в письме редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу во время работы над этой клеветнической статьей В.С. Соловьев предполагал назвать ее еще откровеннее: «Исторические взгляды немецкого ученого и их русская карикатура» [2, 45]. Это первоначальное название наиболее точно передает дух всех высказываний В.С. Соловьева о Н.Я. Данилевском после его смерти. Статья эта заставила Н.Н. Страхова, который уже принял решение не отвечать больше на «выходки» распоясавшегося оппонента, снова взяться за книги и с текстами доказывать, что ни плагиата, ни заимствования идей нет и в помине [18].

Заведомо ложную информацию о Н.Я. Данилевском В.С. Соловьев поместил в 1893 г. в статью о нем в очередном (10) томе Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в которой в это время работал редактором философского отдела. Вся статья представляет собой краткий конспект всех искажений, передержек и предвзятостей, уже убедительно разоблаченных к тому времени Н.Н. Страховым и другими критиками для всех (немногих), кто интересовался именно сутью дела [см.: 13]. До сих пор эта энциклопедия является неиссякаемым (поддержанным и в советской историографии авторитетными марксистскими историками и философами) источником воспроизведения лжи о вторичности работы Н.Я. Данилевского, невзирая на абсолютно полно и безальтернативно доказанную оригинальность его теории культурно-исторических типов, о чем знают точно все специалисты (5).

Апологеты В.С. Соловьева пошли по его стопам и уже после смерти своего учителя написали по его образцу и примеру двойную статью о Н.Н. Страхове в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Оба автора – Семён Афанасьевич Венгеров (1855-1920), историк русской литературы, биограф писателей и ученых, редактор, известный своей фактологической тщательностью, и Эрнест Леопольдович (Львович) Радлов (1854-1828), философ, историк, филолог, переводчик, редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (в котором десятилетия печатался Н.Н. Страхов), оба люди страховского круга, лично много лет его знавшие, поздравлявшие его в 1889 г. с избранием в члены-корреспонденты Петербургской АН, авторы и читатели «Вопросов Философии и Психологии», где в 1891 г. опубликованы обширные библиографические материалы Я.Н. Колубовского о Н.Н. Страхове, о которых Э.Л. Радлов даже упоминает в словарной статье (6). И

вот эти двое пишут статью, которую озаглавливают «Страхов Николай Николаевич, писатель» [15]. А название «Страхов Николай Николаевич, писатель и философ» дано статье в ЭСБЕ про харьковского полного тезку Страхова (анонимная, в 15 строчек, вся сплошь из названий его работ). В статье про «писателя» Страхова Н.Н. фактологичный С.А. Венгеров всячески умаляет значение страховских работ и позволяет себе прямые противоречия. Например, в своем разделе, посвященном литературно-критическим трудам Н.Н. Страхова, он пишет о его «Заметках о Пушкине» в одном месте: «Все эти вполне верные, подчас даже банальные истины представляют собою как бы простую запись мелькнувших в голове критика мыслей, без всякой детальной разработки», а через несколько строк: «... При всей конспективности и отрывочности тут есть очень тонкие и верные замечания, свидетельствующие о глубоком, продуманном изучении Пушкина» [15]. Автор же второй, философской, части статьи Э.Л. Радлов повсюду впадает в субъективную высокомерно-туманную оценочность: «К положительным взглядам С. пришел лишь относительно некоторых частных, весьма существенных, впрочем, философских вопросов» и т. п. [15] Суть спора Н.Н. Страхова с В.С. Соловьевым лишь упоминается, позиции не раскрываются, вместо этого приводится фантастическая версия о причинах их расхождений: «Быть может, он [Страхов] понимал религию более умом, чем сердцем, более желал быть религиозным, чем был им на самом деле; в этом, кажется, внутренняя причина его разрыва с Вл. Соловьевым» [15]. Слишком откровенна и концовка статьи: «Значение С. в философии определяется временем, когда он писал. Специалист не будет обращаться к нему с целью поучения; но педагогическое значение философские сочинения С. сохраняют надолго...» [15]. Авторы, таким образом, создали карикатуру статьи В.С. Соловьева о Н.Я. Данилевском и показали себя верными наследниками худших черт соловьевского «творчества». «Специалист не будет обращаться к нему с целью поучения» – явная месть Н.Н. Страхову за слова в «Нашей культуре...»: «... можно надеяться, что за справками о состоянии русской науки и русского искусства никто не пойдет в статью г. Соловьева» [19]. Но у Н.Н. Страхова это умеренно острый полемический удар, заслуженный к тому же действительно пренебрежительной оценкой В.С. Соловьевым русской науки и русского искусства. Статья же в словаре из-за этих полемических вставок выглядит странно, не академично, путано и подозрительно, как бы

написанная случайными людьми, в лучшем случае, журналистами. В.В. Розанов в 1913 г. сокрушался о радловской четырехстрочной статье о Н.Н. Страхове в авторском «Философском Словаре» (2-е изд. 1913 г.): «А уж Радлову ли бы не написать о Страхове: *еженедельно* видал, сам компетентен, и сам – скромный, хороший, твердый русский гражданин служилого типа», «в общем почтенный и добродетельный человек» [12, 98-99]. Два хороших человека своими репутациями пожертвовали памяти учителя своего и «бога» В.С. Соловьева. Величие и мессианство гениального Соловьева постулируется как аксиома, а все, что этому не соответствует, «следовательно», есть непонимание или ошибки неглубоких умов. Как удивлялся когда-то Н.Н. Страхов, «...этому может поверить только тот, кто никогда не заглядывал в мою статью» [20]. А гениальный душевед Л.Н. Толстой советовал удивляющемуся Н.Н. Страхову никогда не спорить «по горизонтали»: «Лучше сначала начинать, отыскивая другую, более общую точку зрения, с которой он, может быть, увидит то же, что и я» [10, с. 413]. В чем же можно найти эту более высокую позицию, в горизонте которой станет яснее, что же двигало обоими спорщиками, почему они не могли остановиться, хотя были не только внешне порядочными, но искренними, глубокими, бескорыстными искателями истины и не испытывали удовольствия от происходящего между ними выяснения... – чего? О чем на самом деле они спорили?

Чтобы понять это, недостаточно перечитать последовательно все составившие полемику статьи. Это, разумеется, сделать необходимо, но это теперь несложно: все основные тексты доступны в сети. С письмами не так просто, переписки обоих весьма и весьма обширны, в сетевых источниках их пока совершенно недостаточно. Предлагаемая здесь подборка не может претендовать на полноту, но герменевтическая роль ее чрезвычайно важна, поскольку в статьях можно отчетливо видеть подтверждения и отражения тех мотивов, которые яснее и определеннее высказаны оппонентами в переписке с различными адресатами в течение шести лет полемики. Попробуем посмотреть через высказывания в письмах на процесс взаимного отдаления, нарастания непонимания каждого нового выпада оппонента, выявления полного несовпадения полей аргументации, обернувшегося непоправимостью межличностного разрыва.

В.С. Соловьев – М.М. Стасюлевичу, 17 сентября 1887 г.: «Приятель мой Страхов готовит 4-ое издание «России и Европы» Данилевского. Мой взгляд на это сочинение диаметрально

противоположен взгляду Страхова, и я готовлю обстоятельный разбор «России и Европы» с присоединением некоторых замечаний и о «Дарвинизме» того же автора. Я хотел было назвать свою статью «Философия пустых претензий», но из уважения к памяти Данилевского, который в других отношениях был почтенный и разумный человек, перемену заглавие» [2, с. 32].

В.С. Соловьев – М.М. Стасюлевичу, 12 января 1888 г. (поясняет, почему просил одну из двух корректур статьи прислать Страхову): «Все дело здесь исключительно в личных отношениях. Я хотел только предоставить Страхову смягчить выражения, оскорбительные (буде он найдет такие) для памяти Данилевского, к которому он благоволит. Я этого чувства не разделяю, но не желал бы слишком оскорблять его ради старых приятельских отношений к Страхову. Впрочем, кажется, ничего обидного для Данилевского лично в моей статье не находится. Может быть, смягчу что-нибудь сам...» [2, с. 34].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 5 февраля 1888 г.: «Соловьев писал мне, что Стасюлевич пришлет мне корректуру его статьи Россия и Европа; но я напрасно этого ждал, а вчера Соловьев пишет мне, что Стасюлевич не захотел моего посредничества, и статья явилась в № 2 Вестн. Европы, миновав мои руки. Это мне досадно. <...> А если бы я раньше знал статью Соловьева, то, может быть, и помешал бы хотя немножко ее безобразию. Какой зыбкий ум! Еще раз я убеждаюсь, что он неспособен понимать действительность и даже понимать книгу, которую разбирает. Он всегда носится на сто верст выше того предмета, о котором говорит, и ничего в нем не видит. <...> Но теперь он (Соловьев) написал такую бестолковщину, которая даже понизила мое уважение к его уму. «Россия – европейская нация» – в одном месте, а в другом: «Русские – один из полудиких народов востока». Да вообще, разве можно доказывать темы [чисто] общеприятельные? – Буду писать ему, хотя чувствую, что столкнуться нет почти возможности» [10, с. 365-366].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 6 апреля 1888 г.: «Теперь же я весь наполнен статьями Соловьева, которого и видел много раз, и с которым долго говорил об этих его статьях. Чем больше думаю об этом деле, тем печальнее вывод. Статьи (о России и Европе) так пусты и жидки и писаны с такими скверными замашками, что я останавливаюсь на мысли – отвечать ему самым решительным и уничтожающим образом. Это большое разочарование. Мне уже не верится ни в его ум, ни в искренность. Я в глаза несколько раз

называл его лукавым в приемах и выражениях, и он или не мог ничего ответить, или отвечал – мне так нужно было сделать. Когда я подумаю, что он ничего не знает основательно, что он вовсе не способен понимать правильно книгу или человека (о Достоевском, о России и Европе, обо мне – он писал и говорил что-то вовсе постороннее, неверное, неясное), что он постоянно только выкидывал фокусы для того, чтобы поразить читателей и слушателей и выставить себя – таковы были и его лекции в Университете и его статьи и публичные лекции, то, несмотря на его удивительные способности, я начинаю видеть в нем актера, а не мыслителя и писателя, да и актера, чем-то одурманенного. Еще неделю я решил не писать, а обдумывать; но мне так тяжело выбирать тут наименьшее из зол! <...> Прощаясь со мной, Соловьев просидел у меня вечер один на один, и подробности этого разговора многое мне прояснили. Темы, на которые нужно писать статьи, готовы. В лжи нет никакого спасения и от лжи ничего кроме вреда не может произойти. Только искренний и добросовестный человек может сделать что-нибудь полезное. Пользоваться тем хаосом и противоречием, которое царит в России в умах и сердцах, значит увеличивать этот хаос, поддерживать его. <...> Сегодня я узнал в магазине приятную новость: триста экземпляров России и Европы проданы в этот первый месяц» [10, с. 368-370].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, июнь 1888 г.: «Посылаю Вам, бесценный Лев Николаевич, свою статью против Соловьева [«Наша культура и всемирное единство»]. Конечно, я не успел выполнить и десятой доли того, что задумывал; но кой-что тут все-таки есть. Все время я имел в виду его церковную точку зрения со всеми сильными доводами в ее пользу, и постарался точно и просто поставить несколько противоположных пунктов. Статья эта всего меня взбудоражила и так и хочется писать еще на темы, близкие к этой – может быть, осенью придется к ним возвратиться» [10, с. 371].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, июль 1888 г.: «Что меня возмущало у Соловьева – это то, что он не взял вопроса в полноте (а для этого не было лучшего случая, как книга Данилевского), что он вовсе и не подумал о значении народности в жизни людей. <...> Он ссылается на свои обязанности к Богу, а потому и разрешает себе не соблюдать никаких обязанностей к Данилевскому или ко мне. <...> Статья моя почти не имела никакого успеха. <...> В

смысле агитации Соловьев вполне успел сделать свое дело» [10, с. 373].

В.С. Соловьев – М.М. Стасюлевичу, 7 декабря 1888 г. (после первой ответной статьи Н.Н. Страхова «Наша культура и всемирное единство»): «Многоуважаемый Михаил Матвеевич, вчера очень торопился отправить конец статьи, даже не перечел как следует. Если найдете какое-нибудь личное обращение слишком грубым или какую-нибудь шутку тяжелой – зачеркните, пожалуйста. А между тем мне кажется, нельзя оставить без ответа искусное литературное ... моего старого приятеля. А откладывать для лучшей обработки ответа было бы по двум причинам неудобно: во-первых, и так уже поздно, а во-вторых, мне этого рода полемика так неприятна, что я долго с нею возиться не выдержал бы. <...> По-видимому, статья Страхова особенного внимания на себя не обратила, иначе кто-нибудь сообщил бы мне о ней раньше. Тем не менее я знаю, что в последнее время и в известных кругах Страхов стал пользоваться чуть ли не авторитетом, и изболочить его восточные грехи дело по-моему не бесполезное, хотя и очень скучное. Это первая и, надеюсь, последняя статья в этом роде мною написанная, и я почувствовал вчера большое облегчение, сдавши на почту последние листы» [2, с. 39-40].

В.С. Соловьев – брату Михаилу в эти же дни, 16 декабря 1888 г.: «Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной, несколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати изругал его как последнего мерзавца, но это несколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений» [2, с. 118].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 13 апреля 1889 г.: «Всего меньше меня радует полемика с Соловьевым, и право, не я виноват. Вышла разногласица, а не спор. После своей второй статьи – в марте Вестника Европы, он был у меня, и я попробовал хоть в разговоре добиться от него определенности. Невозможно! Он весь в общих фразах, и в целый вечер я едва успел добиться, что он указал на два места, у меня и у Данилевского, с которыми он не согласен. А то он не согласен вообще, и начинает много говорить, но ничуть не о том, что высказано его противниками. Я ему сказал, что у него нет никакого определенного взгляда на историю, а он отвечал, что думает скоро его написать. Новое издание России и Европы идет удивительно; в первые сорок дней было продано 500 экземпляров. Литература молчит, – это просто чудеса! Если даже принять, что тут сказался протест против нашего умственного

лакейства перед Европою, – то и то нельзя не радоваться» [10, с. 377-378].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 27 сентября 1889 г.: «<...> объясню Вам теперь, в каком положении дело. Мне оно опротивело и, к счастью, нужды в нем никакой нет, т. е. уже нет, так как шум из-за книг Данилевского поднят страшный, и теперь непременно станут об них писать. <...> Со своей стороны я задумываю только маленькую статейку для заключения спора, статейку преимущественно о Тимирязеве [«Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» («Русский вестник», 1889, декабрь)]. <...> Во всяком случае, я совершенно спокоен, не то что при первых нападениях Соловьева и Тимирязева; поэтому, если буду писать, то напишу в совершенно кротком духе» [10, с. 394].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 6 ноября 1889: «С Вл. Соловьевым мы видимся, т. е. больше он бывает у меня, но он все злодействует в В. Европы, и я считаю долгом не молчать перед ним об этом. <...> И все ему нужно писать сообразно с настоящей минутой; он публицист и политик не хуже Каткова. Нужно наделать побольше шума – вот главная цель» [10, с. 396].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 24 апреля 1890: «<...> Успех России и Европы все еще растет, т.е. книга быстро расходуется, и случается слышать большие восторги от тех, кто в первый раз прочел. Теперь я уже кончил все хлопоты с умственным наследством Данилевского и принимаюсь за свои темы – о времени, числе и пространстве (7), и еще о законе сохранения энергии» [10, с. 400].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 22 августа 1890 г.: «В Москве опять за мною очень ухаживал Вл. Соловьев и навещал, и провожал в дорогу; как же я удивился, что в Русской Мысли (сегодня только узнал и прочитал) он тиснул против меня презлую статью [«Мнимая борьба с Западом»]. Вот уж по Иудиному! Впрочем, статья пустая, так что мне не хочется и отвечать; видно только, что он не может стерпеть, теряет хладнокровие» [10, с. 409].

В.С. Соловьев – Н.Н.Страхову, 23 августа 1890 г. (последнее письмо в их переписке, где речь идет о «Мнимой борьбе с Западом», но впереди еще «Немецкий подлинник и русский список»): «Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевич! Я хотел и не успел перед Вашим отъездом сказать Вам о своей полемической статье, которая на этих днях должна появиться (или уже появилась) в «Русской Мысли» <...> конечно, Вы будете недовольны. Что же делать? В этом споре из-за России и Европы

последнее слово, во всяком случае, должно остаться за мной – так написано на звездах. Не сердитесь, голубчик Николай Николаевич, и прочтите внимательно следующее объяснение. Книга Данилевского всегда была для меня ungeniessbar (8), <...> Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной страсти Николая Николаевича Страхова, а через то бывшая и мне до некоторой степени любезною, – вдруг становится специальным кораном всех *мерзавцев и глупцов*, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. *Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хороши или дурен этот лес, а в том, как бы получше его поджечь*» [8, с. 167].

Еще раз эту «преудивительную историю», подробнее и с выдержками из цитированного выше письма В.С. Соловьева Н.Н. Страхов излагает Л.Н. Толстому 20 сентября 1890 г., в ответ на предложение не отвечать Л.Н. Соловьеву, который «по тону видно, что не прав» [10, с. 413]. Н.Н. Страхов объясняет свои мотивы: «Меня не Соловьев трогает, хотя он стал и писать и вести себя пренеменно, а мне важны читатели. <...> Сказать по правде, мне очень тяжело так долго хлопотать о Данилевском, но так выходит, что нельзя бросить дела» [10, с. 414]. После цитаты из письма про обязанность борьбы «с неприятелем в лесу»: «Вопрос, как видите, превосходный; Соловьев, как пророк, его решил, и, конечно, как инквизитор, сжег бы меня и все экземпляры России и Европы. Но дурень он, дурень! Что ж он сделает плохими журнальными статейками? Только себя осрамит! А между тем, он уже заранее торжествует в этом самом письме: «В этом споре из-за России и Европы последнее слово во всяком случае должно остаться за мной – так написано на звездах». Нет, он слепой человек, угорелый почти до помешательства» [10, с. 415].

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 13 июля 1891 г.: «Соловьев недавно напечатал, что он победил меня, заставил молчать. Это уже третья его статья [«Запоздалая вылазка из одного литературного лагеря», Вестник Европы, 1891, июль, по поводу книги Д. Щеглова «История социальных систем», но как бы косвенно цепляющая именно Н.Н. Страхова, который отозвался на нее в целом благоприятной рецензией], в которой он на меня нападает и не слышит от меня ответа. Вы видите, я Вас слушаюсь» [10, с. 435].

В.С. Соловьев – М.М. Стасюлевичу, 7 октября 1890 г. (сообщая о близком окончании статьи о «карикатуре» Данилевского): «<...> Но помимо этого, мне *может быть* придется на днях просить у Вас нескольких страниц в *хроническом*

отделе *Ноябрьской* книги для моего ответа помешавшемуся от злобы Страхову. <...> Вы меня очень обяжете, напечатавши у себя, так как оставить кажущуюся победу за моим другом-скорпионом было бы мне неудобно» [2, с. 45-46].

Н.Н. Страхов – В.В. Розанову из Эмса (лечится и отдыхает, но не может быть спокоен за складывающееся стараниями В.С. Соловьева общественное мнение о «вырождении» славянофильства и решается просить о помощи молодых писателей) 4 июля 1893 г.: «<...> Великая была бы для меня радость, если бы кто взял на себя определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского. Мне непременно предстоит это дело, но не могу Вам выразить, какую лень я чувствую при этой мысли. Эти две книги не имеют между собой ничего общего (9); Рюккерт пускается во всякие рассуждения, но не держится никакой определенной мысли; мельком он говорит о типах, но это не те типы, какие у Данилевского. Если рассматривать зачатки мысли о национальностях в истории, то нужно бы взять 1) Гердера, 2) Шеллинга и Гегеля, 3) Вильгельма Гумбольдта. Тут везде можно указать, что человечество все больше и больше оказывается отвлеченным понятием, а реальность народностей выступает все яснее. Ну неужели же мне придется писать на обе темы? У меня так много набралось своих особенных тем! <...> ...я подбивал написать А.И. Георгиевского, отлично знающего обе книги: по Рюккерту он даже читал лекции, когда был профессором в Одессе. Но он очень занят – и чем же? – псалмами, которые изучает в подлиннике, по-еврейски! Бывают такие кудрявости во вкусах и занятиях!» [12, с. 126-128] (10).

В.С. Соловьев – брату Михаилу, 30 июля 1893 г. (в год публикации статьи о Н.Я. Данилевском в Словаре Брокгауза и Ефрона): «<...> Я возобновил дружеские отношения с Кутузовым, которые были прерваны четыре года тому назад. Примирение же со Страховым я видел только во сне. Когда увижу наяву, то подумаю, не наступил ли мой смертный час» [2, с. 127] (11).

Один из важных аспектов полного ответа на вопрос об основаниях полемики из-за книги Н.Я. Данилевского состоит в том, что это был спор не столько за содержание истины, сколько за путь к истине, метод обоснования и утверждения ее. Для Н.Н. Страхова этот путь – исследование диалектики понятий, критический разум, строгая и убедительная аргументация, беспристрастная к современникам и уважительная к традиции. Все работы Н.Н. Страхова – естественнонаучные, литературно-критические,

философско-психологические – написаны в поисковом, философском ключе. В.С. Соловьев – наоборот – всегда уже сначала знает, как должно быть; его стиль – «стиль уверенности. Это не философский стиль, но и не стиль фанатичный, потому что привлекательная черта фанатического стиля – обиженность, фанатик борется с бесконечно сильнеешим, и неодолимым...» [11, с. 56]. Соловьев редко встречал сильного полемического противника. Большинство его читателей-поклонников были не Розановы и Леонтьевы, даже не Трубецкие, сохранявшие трезвость собственного взгляда, а «добрые, наивные сердца» (по слову В.В. Розанова, отмеченному Н.Н. Страховым), покоряемые одними эстетическими средствами без всякой логики и философии, не очень придирчивые нравственно – не зря же В.С. Соловьев в письмах, сопровождающих рукописи статей, постоянно просит редактора смягчить свои грубости. К несчастью, среди этих слепых поклонников оказалось немало влиятельных в науке и образовании людей вроде Э.Л. Радлова, которых В.С. Соловьев втянул в силовое поле своего «магнетизма» и слишком сильно исказил их собственное восприятие и понимание других, не соловьевского круга, людей и идей.

Н.Н. Страхов со своей установкой на истину остался бы цел, даже если бы втянулся в жесткую эристику и позволил себе всё ехидство, иронию и остроумие, какие у него были – тому есть изящные примеры в его наследии (А.Н. Пыпину, к примеру, от него крепко досталось за Н.М. Карамзина (12)). Но Н.Н. Страхов – прежде всего ученый и философ аналитического, герменевтического стиля мышления. Полемика для него – жанр низкий, вынужденный, вспомогательный; встречая серьезного оппонента, он старается перевести спор в дискуссию, потому что цель его всегда – всестороннее освещение самого спорного вопроса, приближение к истине в отношении предмета исследования. Убедившись, что В.С. Соловьева истина в данном случае вовсе не заботит, он, конечно, должен был выйти и вышел из разговора, и вышел бы значительно раньше, если бы не долг дружбы по отношению к покойному Н.Я. Данилевскому. А поскольку оппонент вдогонку позволил себе откровенную ложь, то на изживание этой несправедливости просто не хватило тех трех лет жизни, что ему оставались.

Литература

1. Балувев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». [Электронный ресурс] - М.: Булат, 2001.: URL: http://www.rospil.ru/ru01/danilevsky/danilevsky_index.htm
2. Владимир Соловьев. Письма. Т. IV / Под ред. Э.Л. Радлова. - Пб.: Изд-во Время», 1923. – 239 с.
3. Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев о православии и католицизме [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/danilevskij_n_j/text_1885_vladimir_soloviev_o_pravo_slavii.shtml
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост. Н. Саркитова; Комментар. В. Климонова, Н. Саркитова. - М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2008. - 704 с.
5. Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. - СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890. - 684 с.
6. Колубовский Я.Н. Материалы для истории философии в России (1855-1988) IX. Н. Н. Страхов [Электронный ресурс] // Вопросы философии и психологии. Кн. 7. № 3. С. 89-121. URL: http://journals.rhga.ru/journals/nums.php?SECTION_ID=372
7. Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/leontev/soloviev.html>
8. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и литературные деятели 80-х годов (А.А. Фет, И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов) / Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение // Литературная учеба. - 1987. - № 4. - С. 164-168.
9. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html>
10. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. - СПб.: Изд. Об-ва Толст. Музея, 1914. - 478 с
11. Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // Бахтинский сборник. Выпуск IV / под ред. В.Л. Махлина. - Саранск, 2000. - С. 56-57.
12. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. - М.: Изд-во «Республика», 2001. - 480 с.

13. Соловьев В.С. Данилевский, Николай Яковлевич [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0280-1.shtml
14. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>
15. Страхов Николай Николаевич, писатель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // [Электронный ресурс] URL: http://gatchina3000.ru/big/097/97499_brockhaus-efron.htm
16. Страхов Н.Н. Борьба с Западом. - М.: Институт русской цивилизации, 2010. - 576 с.
17. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1888_danilevsky.shtml
18. Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1894_istoricheskie_vzglyady.shtml
19. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1888_nasha_kultura.shtml
20. Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1890_novaya_vyходka.shtml
21. Страхов Н.Н. Последний ответ г. Вл. Соловьёву [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1889_posledny_otvet.shtml

Примечания

1. Соловьёв В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. №№ 2, 4; Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью Вл. Соловьёва «Россия и Европа» // Русский вестник. 1888. № 6; Соловьёв В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. № 1; Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. Соловьёву // Русский вестник. 1889. № 2; Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1889. № 3; Страхов Н.Н. Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. № 12; Соловьёв В.С. Мнимая борьба с Западом // Русская мысль. 1890. № 8; Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского // Новое время, 1890 от 21 сентября и 20 ноября; Соловьёв В.С. Счастливые мысли Н.Н. Страхова // Вестник Европы. 1890. № 11; Соловьёв В.С. Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. № 12; Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1894. № 10.
2. Примечательно, что В.С. Соловьёв, уже работая над второй статьёй против Н.Я. Данилевского и самого вставшего на его защиту Н.Н. Страхова, просил старого друга посодействовать в рассылке своей брошюры среди знакомых, и

Н.Н. Страхов это сделал, послал книгу, среди прочих, и Л.Н. Толстому с амбивалентной оценкой: «Блистательно, что и говорить! Я ужасно любовался звонкостью этих фраз, имеющих притом вид необычайной серьезности и глубокомыслия. <...> Все рассуждения идут по методу аналогии и симметрии, и красота формулы составляет главное доказательство верности ее содержания. <...> Когда читаю Соловьева, то ни в одной строке не чувствую живого человека, а везде одно сочинение. Потребность мысли, увлечение всеобъемлющими решениями – я понимаю; но тогда нужно, чтобы надо всем господствовала жажда истины, а тут, у Соловьева, скорее царствует жажда обмана, желание уйти в фантастический мир, который он сам себе строит». – Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 13 сентября 1888 г. [10, 374-375].

3. Н.Н. Страхов познакомился с Н.Я. Данилевским в 1868 году, дружил с ним и его семьей всю оставшуюся жизнь и, не во всех вопросах совпадая с автором, печатал книгу «Россия и Европа», начиная с ее первой журнальной версии 1869 года, когда недолго был редактором журнала «Заря». Будучи душеприказчиком Н.Я. Данилевского, он закончил разбирать его архив в разгар полемики с В.С. Соловьевым и издал в 1890 г. объемистый, в 647 страниц, «Сборник политических и экономических статей» [5] покойного друга, в который включил и критическую антисоловьёвскую статью о теократической идее.

4. О материалах интересующей нас полемики см.: [6, 116-121].

5. Поскольку доказательство Н.Н. Страхова не считалось достаточными в силу его известной личной дружбы с Н.Я. Данилевским и, следовательно, заинтересованности в определенном исходе дела, принято ссылаться на исследование американского слависта Роберта Мак-Мастера (McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // The American Slavic and East European review. 1955. № 1. vol. 14.), а точка в этом вопросе поставлена только в середине XX века.

6. http://journals.rhga.ru/journals/journal.php?SECTION_ID=361 – страница журнала «Вопросы философии и психологии» в полнотекстовой базе данных «Российские философские журналы XIX – начала XX века», где можно читать практически весь журнальный архив.

7. О своем философско-научном замысле Н.Н. Страхов писал В.В. Розанову как раз накануне Соловьёвского демарша, 19 июня 1888 г.: «Сам в потугах рождения новой статьи - «О времени, числе и пространстве». В примечании к этому письму В.В. Розанов писал в 1913 году: «Вот истинная тема Страхова; никто о подобных категориях не писал так хорошо, как он» [12, 15]. Статья эта так и осталась недописанной. Важнейший этот вопрос – о чем писать – обсуждал со Страховым и Л.Н. Толстой: «Пишите, работайте, дорогой Ник. Ник. и пишите то что самое задушевное. Трудно узнать что самое задушевное, скажут. Это правда, но есть приемы узнать. Во-первых, это то про что никому не рассказываешь, во 2-х то что всегда откладываешь. – я пишу так вам п. ч. сам это больно чувствую. Все откладываешь, откладываешь занимаешься менее нужным, а силы слабеют и видишь что не сделал того что мог. Я думаю что то же и с вами. Так давайте же делать что можем пока живы. А для этого первое дело – не отвечайте Соловьёву» [10, 413].

8. В современном немецком «*ungenießbar*» – «несъедобный, порченный, непригодный».

9. Здесь у Розанова примечание 1913 г., которого нельзя не привести: «Между тем до сих пор многие верят Влад. Соловьёву, будто Данилевский «украл» у Рюккерта его мысли, и «Россия и Европа» есть плагиат с немецкого. Соловьёв мог бы понять, что *самый ум Данилевского* был не компилятивный, – и если он не пошел

за Дарвином, странно было вообразить, что он начнет «компилировать с (безвестного) Рюккерта». Данилевский вообще *этого не мог, не умел*. – Дар компиляции и плагиата, – им же переполнены все русские профессора, – есть именно *дар*, и очень тонкий, ажурный; к которому несколько «медвежья» натура русского антидарвиниста, виноградаря и рыбоведа (охранение рыбных промыслов России) была совершенно неприспособлена. Нельзя тайно не подумать про себя, что сам бурный Соловьев в муь и пену свою вовлек без особенных ссылок вниз страницы весьма и весьма много чужих идей, и средневековых, и манихейских, и просто обычно католических. Вот *его* бы следовало проверить с источниками в руках, и это могли бы сделать такие ученые, как Н.Н. Глубоковский или М.М. Тареев». [12, 126-127].

10. Н.Н. Страхово действительно пришлось писать самому; завершил он эту работу только через год, в июле 1894 г. [см.: 12, 134].

11. О том, что В.С. Соловьев правильно оценивал в то лето перспективы примирения с бывшим другом, свидетельствует и воспоминание В.В. Розанова: «Последующее [после «приторного любезничания» во время печатания враждебной статьи] отношение Страхова к Соловьеву было отвращающееся. Так, идя с похорон Я.К. Грота, я от него выслушал негодующее упоминание о нечаянном и невольном столкновении с Соловьевым на улице: «Как же, и он (Соловьев) *был* (на похоронах)! Разве вы его не знаете в лицо? И опять подошел ко мне и протянул руку, которую я, взяв, – с отвращением *бросил*» [12, 69]. Я.К. Грот умер 24 мая 1893 г., так что в июле В.С. Соловьев еще хорошо помнил этот эпизод.

12. См: Страхов Н.Н. Вздых на гробе Карамзина (Письмо в редакцию Зари) // http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml и герменевтический комментарий к ней: Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132. Электронная версия статьи: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=19

Плотникова О. В.

*Дальневосточный федеральный университет
г. Уссурийск, Россия*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕМ

На всех уровнях социальной структуры используются различные методы управления – авторитет, договор, принуждение, сила, от которых зависит функционирование отношений властной и подвластной сторон. Внутри властной системы формируется так же разнообразные отношения, детерминированные социальными системами, личными качествами политических лидеров, культурой, социально политическими условиями. В структуре политических отношений немало важную роль играют неформальные отношения политических лидеров. Именно на этом уровне устанавливаются такие связи между участниками отношений, которые влияют на политические и управленческие решения официального уровня.